

Классовая мораль

Понятно, что из радикального различия, которое мы только что наблюдали, сохраняющегося между рабочим классом и классом буржуазии, возникла бы особая мораль.

Было бы, по меньшей мере, странно, если бы между пролетарием и капиталистом не было ничего общего, кроме морали.

Как! Действия эксплуатируемого должны оцениваться и судиться по критерию его классового врага?

Это было бы просто абсурдно!

В действительности, подобно тому, как в обществе существуют два класса, существуют и две морали — капиталистов и пролетариев.

Естественная, или зоологическая, мораль, пишет Макс Нордау, провозгласила бы отдых высшей заслугой и считала бы труд желанным и славным для человека лишь в том случае, если он необходим и необходим для его материального существования. Но эксплуататоры не находят в этом никакой выгоды. Их интересы, по сути, требуют, чтобы массы работали больше, чем им необходимо, и производили больше, чем требуется для их собственных нужд. Именно потому, что они хотят захватить прибавочный продукт; с этой целью они упразднили естественную мораль и изобрели другую, которую установили их философы, восхваляли их проповедники и воспевали их поэты: мораль, согласно которой праздность — источник всех пороков, а труд — добродетель, высшая из всех добродетелей...

Излишне говорить, что эта мораль предназначена исключительно для пролетариата, и богачи, которые её отстаивают, стараются ей не подчиняться: праздность — порок только для бедняков.

Именно во имя предписаний этой особой морали рабочие должны усердно и неустанно трудиться на благо своих хозяев, и любое ослабление с их стороны производственных усилий, всё, что может уменьшить прибыль, ожидаемую эксплуататором, считается безнравственным поступком.

С другой стороны, именно благодаря этой классовой морали прославляются преданность интересам хозяев, усердие в самых рутинных и мало доходных работах, глупые щепетильности, создающие «честного рабочего», — словом, все идеологические и сентиментальные цепи, приковывающие наёмного рабочего к оковам капитала лучше и надёжнее, чем кованые железные цепи.

Чтобы довершить дело порабощения, апеллируют к человеческому тщеславию: все качества хорошего раба превозносятся, возвеличиваются, и даже задумывалось о том, чтобы

наградить – медаль за выслугу лет! – рабочих-пуделей, отличившихся гибкостью позвоночника, самоотречением и преданностью хозяину.

Таким образом, рабочий класс до предела пропитан этой порочной моралью.

От рождения и до смерти пролетарий погряз в ней: он питается этой моралью вместе с более или менее разбавленным молоком из бутылочки, которая слишком часто заменяет ему материнскую грудь; позднее, «мирским» путём, она вливается ему снова, в искусной дозировке, и оплодотворение продолжается тысячью и одним способом, пока, лёжа в общей могиле, он не уснёт вечным сном.

В результате опьянение этой моралью настолько глубоко и стойко, что люди с тонким умом, ясным и острым мышлением, тем не менее, остаются заражёнными ею. Таков случай гражданина Жореса, который, осуждая саботаж, прибегнул к этой этике, созданной для нужд капиталистов. 11 мая 1907 года в парламенте на открытом обсуждении профсоюзного движения он заявил:

«Ах! Если речь идёт о систематической, методичной пропаганде саботажа, рискуя быть обвинённым вами в оптимизме, в котором есть некоторая доля самоуспокоенности для нас самих, то я не боюсь, что это зайдёт слишком далеко. Это противно всей природе и всем наклонностям рабочего...»

И он решительно настаивал:

«Саботаж, утверждал он, противоречит технической ценности рабочего. Техническая ценность рабочего — это его истинное богатство; именно поэтому теоретик и метафизик синдикализма Сорель заявляет, что, даже если бы синдикализму были предоставлены все возможные средства, есть одно, которое он должен себе запретить: то, которое рискует обесценить, унижить в рабочем эту профессиональную ценность, которая не только является его непрочным богатством сегодня, но и его правом на суверенитет в мире завтрашнем...»

Утверждения Жореса, даже под эгидой Сореля, — всё, чего только можно пожелать, — даже метафизические, — если не считать наблюдения экономической реальности.

Где же он встречал рабочих, чья «вся природа и все их наклонности» побуждали их отдавать все свои физические и умственные силы хозяину, несмотря на ничтожные, ничтожные или отвратительные условия, которые тот им навязывает?

С другой стороны, как же может быть поставлена под угрозу «техническая ценность» этих проблемных рабочих, ведь, как только они осознают бесстыдную эксплуатацию, которой подвергаются, они сразу же попытаются от неё избавиться, не соглашаясь больше подвергать свои мышцы и мозги бесконечному утомлению исключительно ради прибыли хозяина?

